

© 2015 г.

В.В. СОГРИН

ДИНАМИКА СОПЕРНИЧЕСТВА СССР И США В ПЕРИОД “ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ”. 1945–1991 годы

“Холодная война”, начавшаяся сразу после Второй мировой войны, была предопределена внутренними свойствами двух главных союзников антигитлеровской коалиции – США и СССР. Разгром Третьего рейха высвободил гегемонистские устремления каждого союзника. Теперь оба нацелились бороться за мировое лидерство между собой. Вопрос о том, кто был истинным виновником начала “холодной войны”, не выглядит в связи с этим основополагающим, хотя выявлять зачинщика полезно, и для многих историков “холодной войны” это является главной проблемой. “Холодная война” продолжалась с 1945 по 1991 г., пройдя три главных этапа: 1945–1960; 1961–1980; 1981–1991 гг. Соотношение сил соперников в ходе “холодной войны” и на каждом из этапов менялось. Автор ставит задачей проанализировать динамику соперничества двух сверхдержав на протяжении четырех с лишним десятилетий.

Гегемонистские устремления каждой из сторон включали разные основания – идеологическое, геополитическое, экономическое. Особое, а в представлении многих исследователей и политиков, главное значение имело идеологическое основание, за которым скрывалось коренное противоречие двух разнородных цивилизаций – американской либерально-капиталистической и советской социалистической.

В период Второй мировой войны США твердо уверовали, что на обломках Третьего рейха суждено утвердиться “американскому веку”, а американские ценности должны быть восприняты для блага мира и каждой страны¹. Произойти это должно было под руководством США, наделенных миссией демократического спасения человечества. Американский либеральный имперский план набросал еще Вудро Вильсон по завершении Первой мировой войны. Но для его практического воплощения у США тогда не оказалось достаточно ресурсов. Этот план, предполагавший утверждение американской мировой гегемонии через посредство Лиги Наций, любимого детища Вильсона, был в 1919 г. политическим классом США отвергнут, поскольку, по его убеждению, у Вашингтона не было для этого необходимого военного преобладания над другими великими державами. В межвоенный период политический класс США предпочитал отказ от вступления в какие-либо военно-политические блоки и “свободу рук” на мировой арене. Он следовал стратегии “изоляциизма”, провозглашенной еще первым президентом США Дж. Вашингтоном.

Ситуация радикально изменилась в годы Второй мировой войны. Факты свидетельствуют, что отказ американской нации от изоляционизма, господствовавшего во внешнеполитической ментальности американцев в период между мировыми войнами,

---

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН.

¹ Подробно см. *Согрин В.В.* Ф.Д. Рузвельт и СССР. 1933–1945. – США – Канада: экономика, политика, культура, 2013, № 11, с. 35–56.

в пользу вильсоновского мессианизма и “интернационализма”², осуществлялся в период Второй мировой войны динамично, а в ее конце ему сопутствовал триумф. Это был политический и ментальный переворот. Политический класс США уверовал в возможность утверждения “американского века” посредством лидерства Вашингтона в международных организациях и военно-политических блоках. Что очень важно для нации с демократическим внутривластным правлением, в пользу смены “изоляционизма” на вильсоновский “интернационализм” высказалось большинство избирателей. Опросы общественного мнения свидетельствовали, что число американцев, высказывавшихся в пользу создания и участия США в международной организации, аналогичной Лиге Наций (в данном случае это была ООН), выросло в годы войны с 25 до более чем 80%. С 1945 по 1947 г. в несколько раз увеличилось, в ряде опросов превысив 50%, число тех, кто считал внешнеполитические проблемы наиболее важными для нации. Рост был обусловлен в первую очередь обострением американо-советских противоречий. Большинство американцев считали его виновником СССР. В 1946–1948 гг. число опрошенных, высказывавшихся за жесткую позицию в отношении СССР, вдвое превысило количество респондентов с отличным мнением. В опросе 1946 г. 60% осуждали внешнюю политику СССР, а 71% считали позицию американского руководства по отношению к Советскому Союзу излишне мягкой³. Как обобщал Г. Киссинджер: “В 20–30-х годах, когда поколение Никсона и Джонсона вступало в пору юности, американцы полагали себя выше макиавеллистских деяний европейцев. В 40–50-е годы, когда это поколение вступило в сознательный возраст, Америка верила в то, что призвана выполнять праведную глобальную миссию”⁴.

Что касается глобалистских устремлений СССР, то они определялись восприятием Советским Союзом исторической миссии замены “отжившего” мирового капитализма новой передовой формацией – социализмом. В советской идеологической доктрине был сформулирован “исторический закон” погружения мирового капитализма после Октября 1917 г. в “общий кризис” и неизбежного последовательного его углубления, сопровождающегося изменением соотношения сил на каждом новом этапе в пользу “лагеря социализма”. Вторая мировая война рассматривалась в качестве важнейшего такого этапа. “Лагерь социализма”, как он определялся в советской идеологии, был расширен за счет стран Восточной Европы, и обозначилась перспектива его скорого увеличения за счет крупнейшей азиатской страны – Китая. Согласно той же идеологической доктрине, империализм, присущий самой природе капитализма, без боя своих позиций не сдавал, поэтому нужно было быть готовым дать отпор его главному представителю. После краха Германии таковым стали США. Мессианско-гегемонистские устремления обоих главных участников антигитлеровской коалиции имели прямое отношение к возникновению “холодной войны”⁵.

---

² По иронии истории СССР называл свою внешнюю политику также интернационалистской. Правда, он предпочитал говорить о социалистическом интернационализме, в то время как США обозначали свой интернационализм как либеральный и демократический. Впрочем, СССР также называл свою внешнюю политику демократической, и между двумя странами велась перманентная дискуссия о том, какая демократия – социалистическая или капиталистическая – является подлинной.

³ *Simon R.J.* Public Opinion in America: 1936–1970. Chicago, 1974, p. 147–148, 123, 152, 154.

⁴ *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997, с. 613.

⁵ В постсоветской России история “холодной войны” подверглась разностороннему рассмотрению. Концепция односторонней ответственности США за развязывание “холодной войны” в результате оказалась ослабленной, хотя американская роль и признается первостепенной. – *Зубок В.М., Печатнов В.О.* Отечественная историография “холодной войны”: некоторые итоги десятилетия. – Отечественная история, 2003, № 4–5; “Круглый стол” в ИВИ РАН: «Феномен “холодной войны” в международных отношениях XX века: итоги и перспективы исследования». – Новая и новейшая история, 2006, № 6, с. 73–100. Среди англоязычных исследований отметим следующие: *Garthoff R.* The Great Transition. American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington. 1994; *Gaddis J.L.* We Now Know. Rethinking Cold War History. New York, 1997; *Cambridge History of the Cold War*, v. 1. New York, 2010.

У США в эпоху Второй мировой войны, по негласному и гласному заключению американского политического класса, появились необходимые экономические и военно-политические ресурсы для господства в новом миропорядке. Их удельный вес в мировой экономике вырос с довоенных 20 до более чем 50%. Экономическое доминирование выражалось не только в этих цифрах. Не менее важно, что Рузвельту удалось свершить в сфере мировой экономики то, о чем В. Вильсон не мог даже мечтать в годы Первой мировой войны. На завершающем этапе войны США создали прочные международные институты экономической гегемонии. Летом 1944 г. в американском городке Бреттон-Вудс был учрежден Международный банк реконструкции и развития, активы которого практически полностью принадлежали США. Целью Всемирного банка, как его стали для краткости называть, являлась поддержка в восстановлении экономики стран Европы, а также помощь нуждающимся странам Азии, Латинской Америки, Африки. В то же время и в том же месте был создан Международный валютный фонд (МВФ), призванный обеспечить стабильность международных денежных расчетов и обращения. Его резервами стали помимо золота доллары вместо прежних фунтов стерлингов. США тогда контролировали две трети мировых запасов золота, и по золотой обеспеченности доллар был вне конкуренции. В обоих международных финансовых центрах большинство постов принадлежали американцам.

Рузвельт, твердо веривший в необходимость и возможность утверждения “Американского века” по итогам мировой войны, вместе с тем в полной мере осознавал военную мощь Советского Союза, который с военно-политической точки зрения представлялся ему равной Соединенным Штатам сверхдержавой. В ходе встреч с И.В. Сталиным в Тегеране и Ялте он шел на реалистические компромиссы с СССР, предполагая, что США и СССР будут двумя главными державами в Организации Объединенных Наций и их взаимодействие – сотрудничество на мировой арене будет основой военно-политической стабильности. Но вместе с тем политическому гроссмейстеру Рузвельту казалось, что, действуя в отношениях со Сталиным в “лайковых перчатках”, используя экономическую зависимость Москвы от Вашингтона и обладая “сухим порохом” ядерного оружия, он сможет “полюбовно” управляться со второй мировой сверхдержавой⁶.

Сомнительно, чтобы “фактор Рузвельта” принципиально повлиял на Сталина при подведении окончательных итогов Второй мировой войны, как и в послевоенном обустройстве Европы и мира. Но смерть Рузвельта 12 апреля 1945 г. оказала воздействие на отношения СССР и США. Опасения советских руководителей по поводу последствий смены национального лидера в США не заставили себя ждать. Сменивший Рузвельта на президентском посту Г. Трумэн не был политическим гроссмейстером и уж тем более уступал в этом отношении Рузвельту. Будучи, как и он, приверженцем концепции “американского века”, Трумэн не хотел и не умел действовать в отношениях с Москвой в “лайковых перчатках”. Он с самого начала выказал намерение полагаться на силу.

Либерально-капиталистический мессианизм США и коммунистический мессианизм СССР быстро дополнились беспрецедентным *геополитическим* противоборством двух мировых сверхдержав. Оно охватило весь земной шар. Вместе с тем это противостояние осуществлялось с конца 1940-х годов в условиях обладания обеими державами радикально нового вида вооружения – ядерного, что на деле обозначило перспективу в случае перерастания войны “холодной” в войну “горячую” возможности, как стали говорить позднее, их гарантированного взаимоуничтожения. А это уже обусловило дополнение противоборства переговорным процессом и выработкой правил игры, предотвращавших такую возможность. В рамках “холодной войны” возникали *мирное сосуществование* и *разрядка*, а само ее завершение победой США и поражением СССР носило беспрецедентный для подобного рода противостояния мирный характер.

Рост антисоветизма подогревался как американским политическим классом, так и укреплявшимся имперским мессианизмом масс. Г. Трумэн, что подчеркивали по-

⁶ Подробно см. *Согрин В.В.* Указ. соч., с. 35–56.

мошники Рузвельта, сделал всё возможное для ухудшения американско-советских отношений⁷. Но, по мнению Республиканской партии и всё большего числа избирателей, что проявилось на “промежуточных” выборах в Конгресс США в 1946 г., впервые с начала 30-х годов принесших успех республиканцам⁸, Трумэн не был достаточно тверд в противостоянии советскому “экспансионизму”. Реакция Трумэна заключалась в нагнетании антисоветизма⁹. В течение следующего года были обоснованы цельная стратегия и идеология противоборства с СССР.

Первым наиболее известным их выражением стала “длинная телеграмма” поверенного в делах США в СССР Дж. Кеннана, датированная 22 февраля 1946 г. Специалисты давно согласились с тем, что концептуально “длинная телеграмма” не содержала оригинальных положений, но для правительства США она пришлась очень кстати, и американское руководство сразу же стало использовать самым активным образом ее положения. Кроме того, Кеннан, будучи уже главой отдела политического планирования госдепартамента США, в июле 1947 г. развил свои идеи на страницах влиятельного журнала “Foreign Affairs”¹⁰. Так что Кеннан вошел в историю не только в качестве автора предложенного понятия *сдерживание* (containment) СССР, но и соответствующей доктрины, ставшей первой официальной послевоенной антисоветской идеологией. В начале телеграммы Кеннан изложил советские доктрины неустрашимости противоречий социализма и капитализма¹¹. Далее он доказывал, что мессианизм и агрессия вытекают не только из природы советского социализма, но также имеют преемственную связь с экспансионизмом Российской империи¹². Такого противника можно обуздать только при помощи цельной и полнокровной стратегии и программы “сдерживания”. Впоследствии Кеннан неоднократно указывал на ограниченный характер собственной доктрины сдерживания, осуждал его глобализацию, перенос на все регионы мира¹³. Но взятая на вооружение американским политическим классом, эта доктрина сдерживания была наполнена гораздо более масштабным содержанием, приобрела инерцию и силу “джинна, выпущенного из бутылки”.

У концепции сдерживания нашлись критики. Опасения по поводу возможности и опасности распространения сдерживания советской угрозы в те уголки мира, где ее не существовало, высказал ведущий американский публицист У. Липпман. В случае восприятия стратегии сдерживания Липпман предрекал возникновение “холодной войны”¹⁴. Сам Липпман предлагал следовать в отношениях с СССР реалистическо-

---

⁷ См. Dallek R. The American Style of Foreign Policy. Cultural Politics and Foreign Affairs. New York, 1983, p. 159.

⁸ Статистическая история США XVII – начала XXI вв. Под. ред. В.В. Согрина. М., 2012, с. 211.

⁹ Ferrel R.H. Harry S. Truman. Washington, D.C., 2003, p. 48.

¹⁰ Именно в этой статье, опубликованной за подписью “Мистер X”, было впервые использовано понятие *сдерживание*.

¹¹ И. В. Сталин высказал идею о несовместимости социализма и капитализма и необходимости готовиться к их неизбежной схватке 9 февраля 1946 г., т.е. за две недели до появления “длинной телеграммы”. Некоторые историки полагают, что речь Сталина послужила непосредственным поводом для реакции Кеннана.

¹² Отметим, что ранее Кеннан давал менее идеологизированное объяснение экспансионизма России, объясняя его, например, в мае 1944 г. ее опасениями за свою безопасность, обусловленными географическими особенностями: “За упорной экспансией России стоит лишь вековое чувство уязвимости, испытываемое оседлым народом, живущим на открытой равнине по соседству со свирепыми кочевниками”. Это опасение трансформировалось в “постоянную черту русской психологии”. Цит. по: Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992, с. 249.

¹³ Craig C., Logevall F. America's Cold War. The Politics of Insecurity. Cambridge (Mass.) – London, 2009, p. 2–4.

¹⁴ Именно Липпман ввел в широкий обиход это понятие (употреблено впервые Б. Барухом 16 апреля 1947 г.), дав своей публицистической книге название “Холодная война”: Lippmann W. The Cold War. New York, 1947.

му, а не вильсоновскому “интернациональному” подходу, учитывать национальный интерес Советского Союза и его право на сферу влияния в Восточной Европе. Среди единомышленников Липпмана оказался самый авторитетный американский ученый-международник Г. Моргентау¹⁵. Как и Липпман, Моргентау доказывал, что доктрина сдерживания подвергнется далеко идущей идеологизации, приобретет глобальный характер, станет для США непосильным бременем. Решительно протестуя против идеологизации национальной внешней политики, он предлагал американскому политическому классу ограничиться защитой сложившегося в Европе баланса сил. У выражителей подобного подхода были сторонники среди политиков. Но главный среди них, Г. Уоллес, возглавивший Прогрессивную партию на президентских выборах 1948 г., собрал чуть более 1 млн голосов избирателей (2,38%).

Подавляющее большинство американских либералов, не говоря уже о консерваторах, поддерживали жесткую позицию в отношении СССР. Показателем внешнеполитической эволюции либерализма явилась позиция известного сторонника Рузвельта, авторитетного историка и политолога А. Шлезингера-младшего. Шлезингер выступил с концепцией “жизненного центра”¹⁶, ставшей на полтора десятилетия внешнеполитическим кредо американского либерализма. Во внутренней политике Шлезингер предлагал продолжать принципы Ф. Рузвельта, углублять реформы Нового курса. Что же касается внешней политики, то он настаивал на преодолении течениями либерализма имевшихся разногласий и объединения в либеральный “жизненный центр”, главной целью которого являлась борьба с угрозой мирового коммунизма. На советский социализм было распространено понятие “тоталитаризм”, в который раньше включался фашизм¹⁷.

СССР, как и США, начал развивать гегемонистскую стратегию, оставаясь еще в единой антигитлеровской коалиции. Правда, СССР подписывал антигитлеровские документы, выходявшие из-под пера вашингтонских политиков, в частности знаменитую Атлантическую хартию августа 1941 г., в которой доминировали американские либеральные ценности¹⁸. Поступая так, И.В. Сталин руководствовался прагматическими соображениями: главное – победа над Гитлером, требовавшая объединенных усилий, ради чего приходилось подписывать совместные декларации, о которых потом можно было забыть. Помнить же нужно было о национальных интересах СССР, которые в полном объеме союзникам не раскрывались. Главной среди не декларируемых открыто целей было вслед за освобождением восточноевропейских стран «установление и укрепление режимов “народной демократии” и сплочение стран с таким режимом в единый лагерь». Во время подписания в апреле 1945 г. в Москве советско-югославского договора Сталин, беседуя с членом югославской делегации М. Джиласом, высказался определенно: “Эта война отличается от всех предыдущих: кто занимает территорию, тот устанавливает свой собственный общественный порядок. Каждый вводит свою систему, куда входит его армия. По-другому и быть не может”¹⁹.

США следовали на оккупированных территориях точно той же логике. В конце войны освобожденные от Гитлера страны были поделены двумя сверхдержавами на сферы влияния, что, как и неизбежная последующая борьба за их расширение, стало одним из фундаментальных оснований “холодной войны”. При этом США с самого

¹⁵ *Morgenthau H.J. A New Foreign Policy for the United States. New York, 1951.*

¹⁶ *Schlesinger A.M., jr. The Vital Center. New York, 1949.*

¹⁷ Впоследствии, начиная с 1960-х годов, Шлезингер отказался от своего подхода, объявил идеологию злейшим врагом внешней политики, стал сторонником внешнеполитического реализма и прагматизма. См., например: *Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992, с. 101–103.*

¹⁸ *Two Centuries of U.S. Foreign Policy. The Documentary Record. The Documentary Record. Westport (CT) – London, 1995, p. 84–85.*

¹⁹ *Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000, с. 78.*

начала обладали серьезными экономическими и политическими преимуществами, которые с течением времени только упрочивались, в реализации этой цели. Они, в отличие от истощенного войной СССР, могли щедро помогать экономически странам в своей сфере влияния, политически изоциренно использовали “кнут” и “пряник”, “жесткую” и “мягкую” силу. В сферу их влияния вошли побежденные капиталистические страны, в первую очередь Западная Германия, Италия, Япония, которые достаточно безболезненно интегрировали американские ценности. Наиболее жестко США внедряли их в Японии, но и там осозанного сопротивления политике американского диктатора, генерала Дугласа Макартура, не наблюдалось. СССР внедрял социалистический общественно-политический строй в бывших капиталистических восточноевропейских странах, некоторые среди которых к тому же имели весьма прочные либеральные традиции. Для реализации своей цели Москва активно прибегала к силовому методу, а сколько-нибудь удовлетворительной экономической компенсации за политическое насилие предложить не могла.

В европейском и соседних с ним ареалах после 1945 г. соотношение сил между соперниками менялось в пользу США в “спорных” странах. В июне 1945 г. Молотов по указанию Сталина предъявил турецкому послу ультиматум о создании совместной советско-турецкой базы для защиты Босфора и Дарданелл, а также передаче Москве территорий, принадлежавших до 1917 г. Российской империи. В феврале 1946 г. СССР оказал давление на Иран, настаивая на экономических и территориальных уступках. Обе страны, Турция и Иран, обратились за поддержкой к Западу. С просьбой о защите от попыток коммунистов силой захватить власть в Греции к Западу апеллировало греческое правительство²⁰. Главным противовесом России на Балканах традиционно выступала Великобритания. Но 21 февраля 1947 г. британское правительство уведомило США, что оно не в состоянии поддержать законное греческое правительство в противостоянии с коммунистическими бунтовщиками. Великобритания ясно давала понять, что защита западных интересов и ценностей на Балканах под силу только Соединенным Штатам.

США отреагировали на послание британской стороны незамедлительно. Уже 12 марта 1947 г. Трумэн обратился к конгрессу США с просьбой выделить для поддержки греческого и турецкого правительств 400 млн долл. Первая половина послания, посвященная Греции и Турции, казалось бы, заключала в себе стратегию “точного” действия, которое соответствовало доктрине *сдерживания*. Но во второй половине Трумэн сформулировал глобализацию доктрины, намерение противостоять СССР и социализму во всем мире²¹. Европейский же ареал стал для Соединенных Штатов центром противостояния с СССР.

В 1948 г. важным способом укрепления и расширения американского плацдарма была избрана экономическая помощь максимальному количеству европейских стран. Было очевидно, что адекватного экономического ответа Советский Союз предложить не мог, и стратегический выигрыш оказывался заведомо на американской стороне. США предложили экономическую помощь всем европейским странам, но к этому времени СССР уже прочно подчинил себе страны Восточной Европы и дал им указание отклонить американскую помощь. Другие европейские страны поддержали план государственного секретаря США Дж. Маршалла 1948 г. В окончательном варианте план Маршалла содержал определенные политические условия, в частности исключение коммунистов из правительств стран, принявших помощь. Это весомо способствовало ослаблению влияния сильных компартий во Франции и Италии. План Маршалла помог главным послевоенным союзникам США – Великобритании, Федеративной Республике Германии и Франции – встать на ноги и сделать западную цивилизацию центром мирового экономического развития.

²⁰ История России. XX век, т. 2. М., 2009, с. 197, 213, 215.

²¹ Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman, 1947. Washington, D.C., 1963, p. 176–180.

Важнейшее значение имели противоречия между бывшими союзниками в германском вопросе. По итогам Потсдамской конференции лета 1945 г., подводившая итоги победы над гитлеровским фашизмом, Германия оказалась разделена на четыре зоны между СССР, США, Великобританией и Францией. Вместе с тем предполагалось объединение Германии, после того как будет найдена его взаимоприемлемая формула. Вскоре страны Запада предложили в качестве такой формулы классические (т.е. по западному образцу) демократические выборы. Москва отвергла эту формулу, поскольку она означала перевес в пользу антисоветских сил. Западные союзники обратились к поиску возможностей создания независимого государства из подвластных им трех зон. Одним из шагов было введение в них единой валюты, при этом ее предполагалось распространить и на Западный Берлин, “вольный город”. В ответ 24 июня 1948 г. советские войска перекрыли наземный доступ в Западный Берлин для транспортных средств противника. Возник острый берлинский кризис, причем обе стороны имели сторонников его решения при помощи силы. Но начались и переговоры, в итоге которых 4 мая 1949 г. все ограничения в коммуникациях между Берлином и западными зонами Германии отменялись. Обе стороны, по заключению известного российского исследователя, “проявили разумную сдержанность”, при этом Сталин обнаружил, что “при серьезном сопротивлении его внешнеполитическим акциям он умел отступить”²².

8 мая 1949 г. немецкие представители западных зон, собравшись в Парламентском совете, одобрили Конституцию Федеративной Республики Германии, вобравшую конституционные принципы американского образца. Ответом советской стороны было создание в то же время в подконтрольной восточной зоне Германской Демократической Республики, ставшей важнейшим союзником СССР. В те же 1948–1949 гг. произошло оформление военно-политического союза – блока между США и западноевропейскими странами. Особенностью его формирования было то, что инициатива исходила не от США, где среди политического класса, в первую очередь части Республиканской партии, еще сохранялся изоляционистский синдром (отказ от вступления в военно-политические блоки), а от западноевропейских стран. Трумэн твердо заявил, что будет следовать по стопам Вудро Вильсона, что возвращение к изоляционизму 1920-х годов невозможно, но что для победы американского внешнеполитического “интернационализма” нужна “двухпартийная поддержка”²³. Республиканцы вняли призыву Трумэна. 21 июля 1949 г. сенат США, где в большинстве были республиканцы, 82 голосами против 13 ратифицировал вхождение США в НАТО. В блок вошли некоторые авторитарные европейские страны, среди них салазаровская Португалия, хотя его хартия утверждала приверженность либерально-демократическим ценностям – “демократии, индивидуальной свободе, правовому государству, свободным институтам, благосостоянию”²⁴.

Вторым ареалом соперничества США и СССР стал Дальний Восток. Главными объектами их противоборства были Япония, побежденная во Второй мировой войне, и Китай, включенный в число победителей. Итоги американского переустройства Японии были подведены на Сан-Францисской мирной конференции 4–8 сентября 1951 г. 8 сентября был подписан Пакт безопасности между Японией и США, по которому Соединенные Штаты размещали свои войска в Японии, брали ее под свою военную защиту. Также в Сан-Франциско был подписан Тихоокеанский пакт, создававший из США, Австралии и Новой Зеландии военный блок АНЗЮС. Его участники обязывались вести совместные военные действия в случае нападения на одного из них в районе Тихого океана.

Иначе развивались отношения США с Китаем, союзником по Второй мировой войне. В годы войны и после США поддерживали Чан Кайши и правительство Гоминдана. США непрерывно предоставляли Гоминдану щедрую финансовую помощь,

²² Наринский М.М. История международных отношений 1945–1975. М., 2004, с. 41.

²³ Public Papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman, 1948. Washington, D.C., 1964, p. 406–410.

²⁴ U.S. Statutes at Large. Washington, D.C., 1950, v. 63, pt. 2, p. 2241–2244.

но она попросту разворачивалась. Инфляция, выросшая в Китае с 1945 по 1948 г. в 3 млн раз²⁵, превратила в нищих большинство жителей страны. Они переходили на сторону компартии. В июле 1949 г. новый госсекретарь США Дин Ачесон признал полное фиаско многолетней ориентации правительства США на Гоминдан и Чан Кайши. Поддерживаемая частью политического класса США идея “полномасштабной интервенции” Соединенных Штатов в Китай не имела, по заключению Ачесона, никакой перспективы. В сложившейся ситуации, заключал Ачесон, Америке следует признать потерю Китая²⁶. На “отступление” Вашингтона не могло не повлиять известие о том, что СССР в сентябре 1949 г. успешно испытал атомную бомбу. 1 октября 1949 г. в Пекине было объявлено о создании Китайской Народной Республики во главе с Мао Цзэдуном и компартией. Чан Кайши и Гоминдан, поддерживаемые США, отступили на Тайвань. 14 февраля 1950 г. между КНР и СССР был заключен договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Это было серьезное поражение США на том этапе “холодной войны”.

США ответили переосмыслением стратегии “холодной войны” и сдерживания СССР. В Совете национальной безопасности США был разработан документ “Цели и программы США в области национальной безопасности”, одобренный в апреле 1950 г. и ставший известным под аббревиатурой СНБ-68. Документ ставил целью расширение “сдерживания” СССР во всем мире, предполагавшем наращивание всех видов вооружения, в том числе и особенно ядерного и нового термоядерного. На следующий год после принятия СНБ-68 военные расходы США выросли в два раза, до 23,6 млрд долл., а еще через год до 46,1 млрд долл.²⁷ Первым испытанием доктрины СНБ-68 на прочность стала война в Корее 1950–1953 г. Корея по итогам Второй мировой войны разделилась на два государства – северную Корейскую Народно-Демократическую Республику, приступившую к строительству социализма, и южную Республику Корею, ставшую союзницей США. Амбиции Северной Кореи резко усилились после создания Китайской Народной Республики, и 25 июня 1950 г., получив предварительное согласие И.В. Сталина, глава КНДР Ким Ир Сен отдал приказ о вторжении в Южную Корею²⁸.

В США реакция на развитие событий на Дальнем Востоке оказалась радикально антисоветской. Уже образование КНР многие американцы, а не только большинство политического класса, расценивали как происки советской стороны и проявления слабости позиции США. Это послужило толчком для праворадикальной популистской истерии и карьерного взлета сенатора Дж. Маккарти, объявившему “потерю Китая” следствием не просто ошибок, но и предательства со стороны госдепартамента США. Началась массовая кампания по выявлению советской “агентуры” и коммунистических сторонников в правительственных органах и в не государственных учреждениях. Праворадикальный вызов Маккарти получил широкую поддержку в общественном мнении. В первой половине 1950 г., согласно опросам общественного мнения, из 84% американцев, слышавших об обвинениях Маккарти в адрес госдепартамента, 39% считали расследование антиамериканского заговора в верхах полезным, 29% – вредным, а 16% не имели определенного мнения²⁹.

---

²⁵ *La Feber W.* The American Age. United States Foreign Policy at Home and Abroad. 1750 to the Present. New York – London, 1994, p. 464.

²⁶ *Two Centuries of U.S. Foreign Policy. The Documentary Record.* Westport (Ct.) – London, 1995, p. 121–125.

²⁷ Статистическая история США, с. 102.

²⁸ В советский период отечественные историки возлагали ответственность за начало войны в Корее исключительно на американский империализм. В постсоветский период ситуация изменилась, историки получили возможность излагать события, приводя архивные данные. Благодаря этому оказалось возможным объективно показать роль северокорейской стороны в начале войны. См.: *Торкунов А.В.* Загадочная война: корейский конфликт, 1950–1953. М., 2000; *Наринский М.М.* Указ. соч., с. 78–79.

²⁹ *Dallek R.* Op. cit., p. 180.

Убеждение многих американцев в том, что США “потеряли” Китай, не могло не повлиять на Трумэна после начала вооруженного конфликта в Корее. Уже 25 июня он настоял на созыве Совета Безопасности ООН, немедленно осудившем действия Пхеньяна. При этом советский представитель в знак протеста против того, что в Совете Безопасности было сохранено место за карликовым гоминдановским государством вместо передачи его КНР, на заседание не явился и не использовал право вето. Совет Безопасности принял решение о создании контингента войск ООН для сопротивления агрессору. В контингент вошли воинские соединения из 14 государств, но основную их часть составляли войска США. Во главе контингента был поставлен также американец – генерал Макартур. В сентябре – октябре 1950 г. Макартур остановил наступление Северной Кореи, перешел в контрнаступление и занял столицу КНДР Пхеньян. Северная Корея обратилась за помощью к СССР и Китаю, и она была оказана. СССР помог ограниченным количеством (до 5 тыс. чел.) военных специалистов и вооружением, а Китай осуществил полномасштабное вооруженное вторжение в Корею. В начале 1951 г. китайская армия решительно отбросила американские войска и заняла столицу Южной Кореи Сеул. Макартур в отчаянии готов был прибегнуть к использованию ядерного оружия, но американское правительство, трезво оценивая возможности ответного ядерного удара со стороны противной стороны, сочло целесообразным обратиться к переговорам. Два корейских государства вернулись к исходным границам.

В традиционной “вотчине” США, Латинской Америке, Вашингтон закреплял позитивные для него результаты политики “доброе соседство” Ф. Д. Рузвельта и военно-политического сотрудничества с южными республиками в годы Второй мировой войны. После ее окончания доктрина Монро была модифицирована: ответственность за защиту Нового Света от вмешательства в его дела не американских государств возлагалась отныне не только на США, но и на межамериканский военно-политический союз. Он создавался “пактом Рио” – подписанным в 1947 г. в столице Бразилии Межамериканским договором о взаимопомощи. Согласно его формулировке, “нападение какого-либо государства на любое американское государство будет рассмотрено как нападение на все американские государства”. Правда, для такого решения требовалось согласие двух третей участников договора, а государство, не согласное на участие в военных действиях, имело право на отказ³⁰. Латиноамериканские государства, часть которых в угоду США порвала отношения с СССР, послушно голосовали в ООН за проекты Вашингтона. В 1948 г. военно-политический договор американских государств был подкреплен созданием Организации американских государств (ОАГ) со штаб-квартирой в Вашингтоне. Ее главным врагом был объявлен коммунизм, хотя никаких признаков проникновения СССР в Латинскую Америку не существовало.

Противостояния США и СССР пока не возникало на другом крупном континенте – Африке. Зато оно зарождалось в странах Ближнего Востока. По итогам Второй мировой войны здесь произошло резкое ослабление британского колониального влияния, что соответствовало интересам США, нацелившихся на утверждение собственного господства в регионе, где сосредоточены основные мировые запасы нефти. Одновременно США, где традиционно сильными позициями располагали еврейское лобби и еврейский электорат, ставили целью помочь созданию нового государства, Израиля, в получившей независимость Палестине. Этого, исходя из собственных интересов, хотел и СССР. Но обеим сверхдержавам противостояли новые независимые арабские государства. 29 ноября 1947 г. ООН приняла решение о разделе Палестины на три зоны – еврейскую (56%), арабскую (42%) и передаваемую под опеку ООН (2%). 15 мая 1948 г. в еврейской зоне было создано государство Израиль. Через два дня оно было признано США и СССР, но не арабскими государствами, начавшими войну против Израиля. Израиль сумел отстоять право на существование, однако жертвой войны стало государство Палестина, территорию которого поделили Египет (занял сектор

³⁰ *La Feber W.* Op. cit., p. 489.

Газа), Иордания (захватила западный берег реки Иордан) и Израиль. Иерусалим оказался разделен между Израилем и Иорданией. Арабские страны поставили целью ликвидацию Израиля³¹. Главным защитником последнего на долгие десятилетия стали США, а позиция СССР, попытавшегося в противостоянии с Соединенными Штатами укрепить отношения с арабскими странами, начала меняться. На Ближнем Востоке возник еще один очаг “холодной войны”.

В целом президентство Г. Трумэна с точки зрения соперничества с СССР выглядело противоречиво. С одной стороны, США прочно утвердились в качестве экономического и военно-политического лидера западной цивилизации. Они создали три военно-политических блока (НАТО, АНЗЮС и ОАГ), в то время как СССР не имел еще ни одного. С другой стороны, Соединенные Штаты не смогли ни на йоту поколебать позиций СССР в Восточной Европе. Они не сумели помочь Чан Кайши удержать власть в Китае, “потеряв” самую крупную страну Азии и всего мира. Если не с качественной, то с количественной точки зрения начальный период “холодной войны” не выглядел для Соединенных Штатов удачным. На президентских выборах 1952 г. Республиканская партия в полной мере эксплуатировала тему внешнеполитических “провалов” Трумэна. Ее собственная внешнеполитическая платформа, сохраняя преемственность в борьбе за сокрушение противника, включала более жесткую стратегию достижения цели³².

Свою роль в ее развитии сыграл президент Д. Эйзенхауэр, но наиболее заметно влиял на нее государственный секретарь Дж. Даллес. Имперские концепции Дж. Даллеса имели ярко выраженный антикоммунистический характер. В них, в отличие от американских имперских доктрин начала XX в., отсутствовал или был скрыт экономический компонент экспансии. Доминировал политический компонент – разрушение коммунистического оппонента. Свою первую концепцию Даллес сформулировал в мае 1952 г., т.е. еще до прихода республиканцев к власти. Она была обозначена как “отбрасывание коммунизма”. Даллес характеризовал концепцию “сдерживания коммунизма” как оборонительную и, по его мнению, пораженческую. Задача заключалась не просто в реакции на агрессивные действия коммунизма там, где они предпринимались, а в превентивных акциях, которые бы воздвигали на пути противника непреодолимую стену еще до того, как он начинал действовать или даже задумывал свои действия. В качестве самостоятельного положения выдвигалась доктрина “освобождения”, т.е. пестования антикоммунистической оппозиции и помощи ей в свержении коммунистических режимов в тех странах, где они уже были установлены. “Массированное возмездие”, вошедшее в американские внешнеполитические анналы в качестве еще одной доктрины Даллеса, означало готовность и способность США пресечь советское наступление в любой момент, в любой точке и любыми необходимыми для этого средствами вооружения, включая ядерные³³.

Радикальные концепции Даллеса в их практическом преломлении означали введение режима перманентной готовности вступить в схватку с СССР “не на жизнь, а на смерть”. Не случайно его внешнеполитическую стратегию стали именовать “балансированием на грани войны”. Отношения США с СССР всё же не исчерпывались “балансированием на грани войны”. В целом ряде случаев они были достаточно прагматичными. В значительной мере гибкость и прагматизм определялись внешнеполитическим подходом Д. Эйзенхауэра. Он не был “голубем”, но, в отличие от “ястреба” Даллеса, проявлял больше реализма и принимал во внимание гораздо большее коли-

³¹ Системная история международных отношений в четырех томах. Под ред. проф. А.Д. Богатурова, т. 3. М., 2003, с. 140–143.

³² National Party Platforms 1840–1972. Urbana, 1973, p. 497–500.

³³ *Graebner N.A.* The New Isolationism. New York, 1956, p. 18–30; *Divine R.A.* Foreign Policy and U.S. Presidential Elections: 1952–1960. New York, 1974; *Gaddis J.L.* Russia, the Soviet Union and the United States. An Interpretive History. New York, 1978, p. 208–209; *Damms R.V.* The Eisenhower Presidency 1953–1961. London, 2002, p. 121–122; Системная история..., т. 3, с. 174–175.

чество факторов, которые требовалось учитывать в успешной президентской внешней политике³⁴. Среди этих факторов важнейшими были позиции американских избирателей, а также европейских союзников США.

Позиция американских избирателей и американских союзников испытывала воздействие тех перемен, которые начались в СССР практически одновременно с вступлением Эйзенхауэра в должность президента. После смерти 5 марта 1953 г. И.В. Сталина в результате перипетий внутривластной борьбы к власти пришел Н.С. Хрущёв, выступивший в пользу определенной либерализации как внутренней, так и внешней политики Советского Союза. Начиная с 1953 г. были улучшены отношения с Индией, Югославией, другими странами, прежде клеймившимися как пособники американского империализма. В начале 1956 г. на XX съезде КПСС была одобрена стратегия мирного сосуществования с капиталистическими странами, выдвинут целый ряд инициатив по смягчению международной обстановки, включая меры по сокращению вооружений. Европейские союзники США, среди них Великобритания и Франция, сочли это реальным шансом смягчить опасное противоборство капитализма и социализма, ввести отношения с СССР в цивилизованные рамки. Свое мнение они высказывали американскому руководству. “Снизу” на него оказывали давление американские избиратели, мнение которых не могло игнорироваться в стране с регулярными демократическими выборами.

В 1950-е годы, в отличие от второй половины 1940-х, опросы общественного мнения в США выявили нарастающее желание американцев урегулировать и улучшить отношения с СССР с помощью переговоров. От 58 до 71% опрошенных (всего 7 национальных опросов)³⁵ одобряли принцип “плохой мир лучше хорошей войны”. На избирателей влияли не только хрущёвские либеральные подвиги, но также и советский силовой фактор – успехи СССР в создании ядерного, затем термоядерного оружия, как и средств его доставки – тяжелых бомбардировщиков дальнего радиуса действия, а в 1957 г. межконтинентальных баллистических ракет.

Эйзенхауэру пришлось признать, что он не верит в желание и возможность СССР вступить в открытую военную схватку с США. Вместе с тем он подчеркнул важность дальнейшего развития атомного оружия, статус которого в противостоянии с СССР повышался³⁶. Под давлением западноевропейских партнеров, среди них У. Черчилля, вновь ставшего премьер-министром Великобритании, Эйзенхауэр одобрил идею переговоров с СССР, и в июне 1955 г. в Женеве впервые за десять послевоенных лет состоялась встреча на высшем уровне между бывшими союзниками, а теперь неприимыми врагами. Конкретных договоренностей между СССР и США достигнуто не было, тем не менее стороны обнаружили способность к цивилизованному диалогу, а Н.С. Хрущёв даже назвал Эйзенхауэра “хорошим парнем”. Язык взаимоотношений США и СССР начал меняться, а новым ключевым понятием в нем стал “дух Женевы”. США и СССР всё чаще садились за стол переговоров, в том числе по главному вопросу – контролю над ядерным вооружением. В 1955 г. по инициативе СССР союзники по Второй мировой войне приняли предложение СССР о выводе оккупационных войск из Австрии, признании ее суверенным и нейтральным государством.

Но Даллес увидел в инициативах Хрущёва признак слабости советской стороны, которой можно было воспользоваться для реализации доктрины “освобождения” европейских народов от коммунизма. Тенденции развития восточноевропейских стран, вызванные к жизни хрущёвской “оттепелью”, давали для этого повод. В нескольких из них произошли массовые выступления против социалистических порядков, а в Венгрии антисоциалистические настроения вылились в осеннее восстание 1956 г., целью которого стал выход Венгрии из социалистического лагеря; советские войска быстро подавили его. США, одобряя антисоциалистические выступления в Восточной

³⁴ *Damms R.V.* Op. cit., p. 106–107.

³⁵ *Simon R.J.* Op. cit., p. 213.

³⁶ *Damms R.V.* Op. cit., p. 50–53.

Европе, всё же на открытую конфронтацию с СССР не решились. Военный конфликт с СССР в Европе был чреват ядерной войной, а это было совершенно неприемлемо для западноевропейских союзников США, как и для большинства американского электората.

Но в других регионах США сохраняли верность “отбрасыванию коммунизма”. В ответ на установление коммунистического режима в Северном Вьетнаме Эйзенхауэр заявил, что если этому процессу решительно не воспрепятствовать, сработает “эффект домино” – коммунисты поработят остальной Индокитаем, Бирму, Таиланд, Индонезию³⁷. “Теория домино”, сформулированная Эйзенхауэром в апреле 1954 г., стала основанием для американской военной интервенции в Юго-Восточной Азии. США сооружали “инфраструктуру” по предотвращению эффекта “домино” в Юго-Восточной Азии. Ими был создан осенью 1954 г. “Манильский пакт”, в который вошли Австралия, Британия, Новая Зеландия, США, Франция, а также Пакистан, Таиланд и Филиппины. Замысел США был более грандиозен и предполагал вовлечение в антикоммунистический альянс также Индии, Бирмы, Цейлона, Индонезии. Но эти страны от участия в альянсе отказались. Особенно огорчил США отказ от вхождения в альянс Индонезии с ее огромными запасами нефти. “Мягкотелось” индонезийского президента Сукарно в отношении коммунистической опасности в Юго-Восточной Азии обернулось для него утратой поддержки со стороны США и переориентацией последних на поддержку антисукарновских сил в самой Индонезии.

Еще в 1951–1953 гг. США отождествили с “коммунистической угрозой” деятельность иранского радикально-националистического политика М. Мосаддыка. В 1951 г. он сумел склонить на свою сторону большинство меджлиса (парламента), был избран премьер-министром и провел закон о национализации нефтяной промышленности. Мосаддык вступил в торговые переговоры с СССР и выдвинул идею разрыва дипломатических отношений с Великобританией. В этой ситуации Эйзенхауэр отдал приказ Центральному разведывательному управлению совместно с британскими спецслужбами и в сговоре с шахом свергнуть Мосаддыка. Конгресс США выделил на операцию 10 млн долл., потраченных на оплату уличных протестов против “левого” иранского премьера. Мосаддыка свергли в 1953 г., когда в действие были введены верные шаху воинские соединения. Эйзенхауэр без промедления оказал новому правительству Ирана помощь в 45 млн долл. Первой мерой правительства стало выделение 25 млн долл. на компенсацию материального ущерба британским нефтяным компаниям³⁸. США и Великобритания фактически распорядились новым иранским Международным нефтяным консорциумом. В политическом отношении главенствующей страной стали США. В 1955 г. был заключен американо-иракский договор о дружбе, в том же году меджлис одобрил законопроект о вступлении Ирана в созданный США для стран Среднего и Ближнего Востока Багдадский пакт. В 1959 г. после распада Багдадского пакта было заключено ирано-американское военное соглашение, наделявшее Соединенные Штаты правом вводить войска в Иран. США отблагодарили шаха адекватной экономической помощью – она оказывалась на безвозмездной и кредитной основе³⁹.

Багдадский пакт, в котором Иран занял одну из ключевых позиций, был четвертым военно-политическим блоком, инициированным США в первое десятилетие “холодной войны”. Он был предназначен для “сдерживания” и “отбрасывания” коммунизма на Ближнем и Среднем Востоке. В 1955 г., когда был создан Багдадский пакт, в него вошли Ирак, Иран, Пакистан, Турция, Великобритания, а “дирижировавшие” им США предпочли статус наблюдателя. При создании Багдадского пакта особые усилия прилагались для вовлечения в него Египта, ключевого государства Ближнего Востока, араб-

---

³⁷ Public Papers of the Presidents of the United States, Dwight D. Eisenhower, 1954. Washington, 1960, p. 382–383.

³⁸ *Damms R. V.* Op. cit., p. 44.

³⁹ Системная история..., т. 3, с. 135.

ского мира и мусульманского сообщества. Они оказались тщетны. Более того, начиная с 1951 г. Египет стал превращаться для американцев в головную боль, восприниматься ими как потенциальная угроза распространения в регионе коммунистического “зла”. В начале 1952 г. власть в Египте взяла организация “Свободные офицеры” во главе с Г.А. Насером, политиком радикально националистических взглядов. Идеологически Насер был близок иранскому премьеру Мосаддыку, как и последний, он поставил целью национализировать ключевые богатства страны, включая Суэцкий канал. Это встревожило не только Великобританию и Францию, издавна главных собственников канала, но и США, сознававших, что подчинение канала правительству Египта сделает Насера влиятельнейшим политиком арабского мира и Ближнего Востока. Поначалу США попытались “приручить” Насера при помощи “пряника”: в 1954 г. Соединенные Штаты вместе с Великобританией предложили Египту пакет экономической помощи в 400 млн долл. На Насера не подействовали ни американский “пряник”, ни “кнул”, и в июле 1956 г. он издал декрет о национализации англо-французской компании Суэцкого канала. Великобритания, Франция и присоединившийся к ним Израиль в конце октября 1956 г. начали войну против Египта. В защиту Египта решительно выступил СССР, ультимативно потребовавший от Великобритании, Франции и Израиля прекратить агрессию и пригрозивший в противном случае использовать против агрессора силу.

К полной неожиданности для мирового сообщества с осуждением агрессии Великобритании, Франции и Израиля выступили и Соединенные Штаты. Они даже пригрозили Лондону и Парижу прекращением поставок американской нефти, доля которой на мировом рынке в тот период была велика. США также способствовали вынесению вопроса об агрессии трех стран против Египта на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН. Непредвиденная для многих позиция США объяснялась рядом причин. Сами Соединенные Штаты выпячивали “идеалистический” мотив: времена колониализма прошли, и пользоваться его методами непозволительно даже ближайшим союзникам США. Другой, менее явный мотив состоял в том, что война, в которой на стороне Насера жестко выступила ядерная держава СССР, заключала в себе больше зла, нежели “плохой мир”. Анализ показывал, что продолжение войны делало ее непредсказуемой. Важным было также то, что практически весь арабский мир оказался на стороне Египта. В этой ситуации поддержка Вашингтоном Великобритании, Франции и Израиля привела бы к утрате тесных отношений с большинством арабских стран, способных к тому же перейти на сторону СССР. Подобный вариант развития событий для США был неприемлем. В начале ноября 1956 г. Генеральная Ассамблея ООН осудила агрессию против Египта, а 7 ноября она была прекращена. В выигрыше оказался Египет. Как успех развитие событий воспринималось и СССР, который отстоял и укрепил свои позиции в “холодной войне”.

По завершению войны в Египте американские внешнеполитические аналитики продумали дальнейшую стратегию “сдерживания коммунизма” на Ближнем и Среднем Востоке. В марте 1957 г. была сформулирована “доктрина Эйзенхауэра”, одобренная Конгрессом США. Эйзенхауэр потребовал пресекать на Ближнем и Среднем Востоке “агрессию любой страны, контролируемой международным коммунизмом”⁴⁰. Понятие “коммунистической угрозы” не расшифровывалось, и на практике под ней стали понимать действия любой силы, угрожавшей геополитической гегемонии США. Первым объектом практического ее применения стала Иордания. В результате выборов в апреле 1957 г. к власти там пришло пронасеровское правительство, но король Хусейн отправил нового премьер-министра в отставку, ввел в стране военное положение и обратился к Эйзенхауэру за помощью в борьбе с “коммунистическим заговором”. В Средиземное море для демонстрации серьезности намерений США был послан 6-й военно-морской флот Соединенных Штатов. Первое применение “доктрины Эйзенхауэра” оказалось удачным. Хусейн спас свой режим.

---

⁴⁰ Public Papers of the Presidents of the United States, Dwight D. Eisenhower, 1957. Washington, 1958, p. 6–16.

Не успела стихнуть политическая буря в Иордании, как еще более серьезная пертурбация случилась в Сирии. Пришедшая там к власти Партия Арабского социалистического возрождения (Баас) разорвала дипломатические отношения с Францией и Великобританией, а в августе 1957 г. заключила соглашение с Москвой о поставках в Сирию советского оружия. В госдепартаменте США пришли к выводу, что Сирия превращается в базу распространения “советского коммунистического доминирования”⁴¹. Теперь деньги, отпущенные на проведение в жизнь “доктрины Эйзенхауэра”, было решено использовать для оформления альянса прозападных арабских режимов против Сирии и Египта и отправки турецкого воинского контингента к границам Сирии. Однако большинство арабских стран, среди них даже дружественные США, объявили о солидарности с Сирией по причине ее внешнеполитической “сверхзадачи” – уничтожения Израиля. В 1958 г. Сирия и Египет создали Объединенную Арабскую Республику под руководством Насера.

Тогда же и в Ираке произошла баасистская революция, был свергнут король Фейсал, провозглашена республика с радикальной националистической программой. Страна вышла из Багдадского пакта. Оставшиеся в нем страны переименовали себя в Организацию центрального договора (СЕНТО)⁴². В целом политика США на Среднем и Ближнем Востоке понесла серьезные потери. “Доктрина Эйзенхауэра” обнаружила свою несостоятельность. В основе арабских революций лежали не происки мирового коммунизма, а радикальный антиколониальный национализм. Он включал в себя не связанную с коммунизмом антизападную направленность, с чем не смогли согласиться руководители США. Следствием стали их серьезные внешнеполитические ошибки, которыми воспользовался СССР, начавший склонять многие арабские страны на свою сторону.

На период президентства Эйзенхауэра пришлось первые серьезные потери США в их исторической “вотчине” – Латинской Америке. В 1950 г. президентом небольшой Гватемалы был избран Х. Арбенс, выдвинувший программу широкой национализации иностранной собственности, в том числе североамериканской “Юнайтед фрут компэни”, у которой было экспроприровано 400 тыс. акров (100 тыс. га) земли. В марте 1954 г. для рассмотрения гватемальских событий в столице Венесуэлы Каракасе была созвана конференция Организации американских государств (ОАГ). Конференция одобрила оценку Вашингтона, заключающуюся в том, что события в Гватемале были следствием действий “международного коммунизма... несовместимого с концепцией американской свободы”. Но практических шагов не последовало, ибо, по заключению госдепартамента США, многие участники “опасались американского вмешательства больше, чем гватемальского коммунизма”⁴³. В мае 1954 г. правительство Арбенса закупило партию оружия у социалистической Чехословакии. Эйзенхауэр счел это достаточным, чтобы дать указание ЦРУ устранить левое гватемальское правительство⁴⁴. В Гватемалу из Гондураса вторглись гватемальские оппозиционеры, и правительство Арбенса было свергнуто, а его реформы отменены.

В 1958 г. вице-президент Соединенных Штатов Р. Никсон во время турне по латиноамериканским странам столкнулся с массовыми проявлениями неприязни к политике Вашингтона, назвав их “коммунизмом чистой воды”. Президент США согласился: “Угроза коммунизма в Латинской Америке сильна как никогда”⁴⁵. Данная оценка была распространена на антидиктаторскую революцию на Кубе, завершившуюся победой в 1958–1959 гг. Свергнутый диктатор Ф. Батиста правил Кубой с 1952 г. Кубинские левые радикалы во главе с Ф. Кастро, свергнувшие Батисту, не выказывали антиамериканских намерений, и в феврале 1959 г. США признали правительство Кастро. В апреле 1959 г.

⁴¹ Цит. по: *Damms R. V.* Op. cit., p. 82.

⁴² Просуществовал до 1979 г., когда из него вышли Иран и Пакистан.

⁴³ *Dallek R.* Op. cit., p. 212–213.

⁴⁴ *Papers Relating to Foreign Relations of the United States 1953–1954*, v. 4, p. 1091–1093.

⁴⁵ *Dallek R.* Op. cit., p. 213–214.

во время визита на Кубу вице-президента США Р. Никсона Кастро заверил его, что Гавана сохранит верность западным ценностям, не посягнет на американскую военную базу в кубинском Гуантанамо, но осуществит ряд серьезных реформ в интересах всей нации. Никсон отбыл в Вашингтон в уверенности, что США смогут сориентировать Кастро в “верном направлении”⁴⁶. Но уже вскоре выяснилось, что Кастро, как и Арбенс, был твердо намерен осуществить массовую экспроприацию американской собственности. В марте 1960 г. Эйзенхауэр одобрил план ЦРУ по свержению правительства Кастро. Президент США укрепился в своем решении, когда осенью 1960 г. во время сессии Генеральной ассамблеи ООН увидел, как Кастро и советский лидер Хрущёв заключили друг друга в объятия. В ходе проводившихся тогда же президентских выборов батальи в США кандидат от Демократической партии Дж. Кеннеди, одержавший в ноябре победу, подверг Эйзенхауэра жесткой критике за неспособность пресечь проникновение коммунизма в Латинскую Америку. В оставшиеся месяцы пребывания на президентском посту Эйзенхауэр ужесточил антикубинский курс и 3 января 1961 г. разорвал дипломатические отношения с Гаваной. Покидая президентский пост, он передал Кеннеди законченную программу вооруженного вторжения на Кубу⁴⁷.

Развитие событий на Ближнем и Среднем Востоке, как и в Латинской Америке, свидетельствовало о формировании в мире мощной “третьей силы”, порожденной объективными внутренними запросами каждой из подключавшихся к ней стран. Практически во всех случаях радикальные политики, приходившие к власти в этих странах, отражали чаяния широких народных масс, но не были связаны с коммунизмом и СССР. Их протест был националистическим и, по сути, демократическим. США, объявлявшие себя выразителями мировой демократической революции, не смогли признать это и подчас собственными руками подталкивали радикалов к альянсу с СССР, который не упускал шансов укрепить свои позиции. Но и советское руководство совершало ошибки. Как и США, ему было присуще черно-белое видение происходившей в мире политической дифференциации, и оно стремилось включить страны, вышедшие из сферы влияния США, в лагерь социализма. Этот подход ложился в основу программных документов КПСС, объявивших на рубеже 50–60-х годов о начале третьего и последнего этапа общего кризиса капитализма, должного завершиться его окончательным крахом. Энтузиазм советского руководства особенно укрепился в 1960 г., когда независимость обрели сразу 17 африканских колоний.

“Год Африки”, совпавший с последним годом пребывания Эйзенхауэра у власти, ознаменовался распроставлением “холодной войны” между США и СССР на еще один – “черный” – континент. Первая битва произошла в Конго. Его бывшая владелица, Бельгия, союзница США, не смирившись с потерей, прибегла к военным действиям. Глава независимого Конго П. Лумумба обратил свой взор к СССР. В Конго началась гражданская война, и каждая из сторон имела мощного покровителя, соответственно США и СССР. Руководители СССР с энтузиазмом расширяли список африканских стран “социалистической ориентации”, как стали именоваться Москвой режимы, осуществлявшие широкую национализацию и устанавливавшие диктатуру “революционного авангарда”. США со своей стороны твердо поддерживали оппозиционеров, именовавшихся ими силами свободы и демократии.

Между тем страны “третьей силы”⁴⁸ всё чаще демонстрировали желание идти собственным независимым путем, а не упречивать собою социалистическую или капиталистическую демократию. В 1955 г. они предприняли первую попытку саморганizations. На международной конференции в индонезийском Бандунге собрались представители 25 стран из Азии и Африки. США и СССР приглашения на конференцию не получили. На конференции присутствовала группа влиятельных нейтральных стран во главе с Индией. Но были также страны прозападной и прокоммунистической

⁴⁶ *Damms R.V.* Op. cit., p. 102.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 104.

⁴⁸ В литературе их часто именуют странами “третьего мира”.

ориентации. Количественно преобладали страны прозападной ориентации, но в ряду прокоммунистических стран был Китай, который вместе с нейтральной Индией по численности населения превосходил страны “третьей силы” вместе взятые. Все три группы стран объединяло то, что они приобрели полную или фактическую независимость после Второй мировой войны и еще не стали полноправными субъектами мировой политики. Важным было то, что они смогли одобрить важные общие документы, в которых оспаривались гегемонистские притязания как США, так и СССР.

Концепция мирного сосуществования стала стержнем бандунгских решений, сформулированных индийским лидером Д. Неру. Участники бандунгской конференции подчеркивали решающую роль коллективного наднационального органа в лице ООН при решении конфликтов. Главной же ценностью для участников был не коммунизм и не капитализм, а *антиимпериализм*. Неприсоединившиеся страны поддерживали равновесие сложившихся военно-политических блоков, остановку гонки вооружений, ставшей одним из главных факторов “холодной войны”. Но логика “холодной войны” делала эту задачу практически невыполнимой.

В целом геополитическое противостояние СССР и США на первом этапе “холодной войны” включало тенденцию определенного, но в разной степени (в наибольшей в Азии, в меньшей в Латинской Америке и Африке) изменения соотношения сил на большинстве континентов в пользу Советского Союза. Исключением была Европа. Западная Европа всё теснее сплачивалась вокруг США, а те прилагали усилия для ее экономического подъема и политического упрочения. В период президентства Эйзенхауэра США рассматривали экономический подъем Западной Европы в качестве своего важного приоритета. Темпы экономического роста Западной Европы даже превосходили американские⁴⁹. Разительные экономические успехи ФРГ были следствием принципиального отличия отношения к ней западных демократий во главе с США от отношения к Германии европейских стран-победительниц после Первой мировой войны. Соединенные Штаты твердо вознамерились интегрировать ФРГ в “атлантическую цивилизацию”. Важной частью этого плана являлась интеграция ФРГ в складывавшееся западноевропейское содружество. Это было непросто, поскольку противником равноправного участия в содружестве Западной Германии выступала Франция. США приложили необходимые усилия для того, чтобы смягчить позицию Франции. Первым успехом на этом пути стало образование в 1951 г. Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), в которое вошли Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. США приложили усилия для принятия ФРГ в НАТО. В мае 1955 г. ФРГ, как и Италия, другая европейская страна, побежденная во Второй мировой войне, были приняты в НАТО. Уже через неделю, 14 мая, последовал ответ СССР: в Варшаве был заключен военно-политический союз Советского Союза и входивших в сферу его влияния восточноевропейских стран, включая ГДР. США и НАТО признали субъектом международного права только ФРГ и продолжили политику по ее всестороннему усилению. В октябре 1955 г., вопреки мнению Франции, в Саарской области состоялся плебисцит, по итогам которого она была включена в ФРГ. Уже через два года ФРГ превратилась в ведущую экономическую державу Западной Европы. В стране возрождалась ценности американского образца, правый и левый радикализм признаков возрождения не подавали. Это был очевидный успех европейской политики США.

Серьезной удачей США в соперничестве с СССР и социализмом стало упрочение их господствующей позиции в мировой экономике, как и растущее превосходство капиталистической экономики над социалистической в целом. Сразу после завершения Второй мировой войны США выступили с идеей всемирного утверждения столь дорогого для них и выгодного в первую очередь для их экономики принципа “открытых дверей”. США приступили к созданию ГАТТ – международного Генерального соглашения о тарифах и торговле, сулившего участникам экономическую помощь и режим наибольшего благоприятствования в торговле. В 1947 г. соглашение подписали

⁴⁹ Системная история..., т. 3, с. 225.

23 страны, в большинстве европейские, а через 15 лет в ГАТТ состояли уже 63 страны, контролировавшие 80% мировой торговли.

Одновременно США создавали институты, препятствовавшие восприятию западных технологических инноваций в социалистических странах. Одним из таких институтов стал созданный в 1950 г. КОКОМ – Координационный комитет стран НАТО и Японии по контролю над экспортом в “любую страну или группу стран, которые угрожают безопасности Соединенных Штатов”. Первопричина перманентного экономического отставания СССР и реального социализма в соперничестве с США была системной: “Сложившаяся к середине 1950-х гг. экономика соцлагеря представляла собой замкнутый комплекс, в котором доминирование СССР было полным и безраздельным... При неконвертируемости валют система двусторонних обменов на базе искусственных цен при посредстве искусственной валюты (переводного рубля) по сути представляла собой бартер. Лишь в 1958 г. было принято решение прибегнуть к использованию усредненных мировых цен для осуществления платежей между странами – членами СЭВ, однако большого эффекта оно не имело”⁵⁰.

Окончание следует

---

⁵⁰ Основы общей теории международных отношений. Под ред. А.С. Манькина. М., 2009, с. 205–206.